

Глава 5

«Не приходи, не приходи», — молился Кан Ебон каждую ночь. Но стоило ему переступить порог аудитории, как их взгляды с Ча Хёком тут же пересеклись.

Народу сегодня было больше, чем в прошлый раз, но, как и в первый день, все сидели на почтительном расстоянии от Ча Хёка.

По словам Сыngu, слух о том, что Ча Хёк посещает этот курс, разлетелся моментально, и теперь обычно полупустой лекционный зал был забит под завязку.

Ебон скривился, показывая, что совершенно не понимает этого ажиотажа, а вот Сыngu, напротив, расстроено вздыхал из-за того, что ему не досталось места.

«И чего тут расстраиваться?»

Поколебавшись, Ебон сел не рядом с Ча Хёком, а через пару мест от него и тут же ощутил на себе тяжёлый взгляд. Обернувшись, увидел, что Ча Хёк смотрит прямо на него и машет ему рукой. Удивлённый, Ебон неловко склонил голову в ответ, и Ча Хёк, довольный, отвернулся.

Ебон был в полном недоумении.

«Этот парень...»

Почему он так себя ведёт? Это из-за того, что Ебон не сел с ним рядом? Или просто Ча Хёк не захотел страдать на этой дурацкой лекции в одиночку, поэтому и Ебону бросить не позволил, чтобы они мучились вдвоём? Или, может, это была месть за то, что в прошлый раз в переулке Ебон ему нагрубил, в столовке отказался есть заказанный для него суп, зато потом в кафе уговорил целых три куска торта?

Пока он в замешательстве разглядывал профиль Ча Хёка, тот снова повернулся к нему. Их взгляды встретились, и Ча Хёк расплылся в широкой, откровенно игривой улыбке.

***

Ебон почувствовал, как сзади кто-то дёрнул его за воротник.

— Как насчёт таккальби* и соджу сегодня вечером?

*п.п.: популярное блюдо корейской кухни, представляющее собой обжаренные кусочки куриного филе, замаринованные в остро-сладком соусе. Блюдо готовится с овощами (капуста,

батат, лук) и рисовыми клецками, часто подаётся с сыром.

— Ты же говорил, что всю ночь тусил с ребятами с инженерного?

Спускаясь по лестнице, Ебон покосился на Ли Сынгу. Лицо друга, и без того бледное утром, сейчас имело совершенно измождённый вид. Даже уголки губ жалобно опустились.

Ебон почувствовал, что из него самого высосут всю энергию, если он продолжит пялиться, поэтому поспешил отвернуться.

— Я сегодня с мамой и тётёй ужинаю. Давай в следующий раз.

— О, под тётёй ты имеешь в виду маму Чон Учана?

От одного упоминания этого имени внутри всё болезненно сжалось, и Ебон едва не потерял равновесие. Он крепкой хваткой вцепился в учебники — так, что даже костяшки пальцев побелели.

Чон Учан не звонил ему с того самого дня. К счастью, Ебон и сам не предпринимал попыток с ним связаться — отчасти потому, что все его мысли были заняты Ча Хёком...

Но картина того, как Учан бьёт его по щеке, всё ещё стояла перед глазами.

— Учан-хён тоже придёт?

— Нет. Он сказал, что занят.

Это и к лучшему. Если бы Учан пришёл, вечер был бы безнадёжно испорчен.

— Я его сто лет не видел. Ку Сынбин говорил, что он устроился в какую-то крутую компанию.

— ...Да, я слышал.

— Мир несправедлив... Ой, меня, кажется, сейчас стошнит. Как же мне хреново...

Ебон весь сжался, во рту скопилась слюна, которую он с трудом сглотнул.

«Вот чёрт, я считал тебя милым, а ты... гомик конченный...»

Злобное лицо и полный ярости голос снова всплыли в памяти. Зрение то затуманивалось, то прояснялось, ноги сами понесли его вперёд.

— Ебон, ты куда так несёшься?

Сынгу, держась за живот, попытался его догнать, но Ебон продолжал бежать, будто не слышал его.

Грудь сдавило так, что дышать стало тяжело. На периферии затуманенного зрения промелькнуло какое-то чёрное пятно. Эта одинокая чёрная фигура посреди яркой, залитой светом территории университетского городка притягивала взгляд.

Повернув голову, Ебон заметил Ча Хёка: тот стоял один в курилке, зажав сигарету в зубах. Тонкая струйка дыма таяла в воздухе. Взгляд Ча Хёка был устремлён в телефон, и он недовольно хмурился, словно что-то его раздражало.

Их разделяло приличное расстояние. В отличие от того вечера, день сегодня был солнечный, а воздух чистый, но в тот момент, когда Ебон увидел Ча Хёка, в его лёгкие снова проник тот самый затхлый, горьковатый запах из переулка.

— Кан Ебон! Ты чего сорвался с места... Что случилось?

Сынгу наконец догнал его и, пытаясь отдышаться, схватил за плечо.

В это мгновение Ча Хёк оторвал взгляд от экрана и посмотрел прямо на Кан Ебона. Его хмурое выражение лица тут же смягчилось.

— Чего это он на нас уставился? Ты перед ним в чём-то провинился? Вы же вместе на лекции ходите, да?

— ...Да, но ничего такого не было. Я остановился, потому что лицо показалось знакомым. Идём.

Пока Сынгу суетился, Ебон наконец вышел из оцепенения, быстро отвернулся и зашагал прочь, словно спасаясь от этого взгляда. Необъяснимое чувство сдавленности в груди вдруг отпустило.

***

— Ебон в последнее время так похорошел. Он с возрастом всё красивее становится, прямо модель.

— Да какая модель? Вот Учан мог бы стать моделью — такой высокий, статный.

— Ладно, ну тогда актёр! Актёр из него вышел бы замечательный!

За столом царила оживлённая атмосфера. Ебон улыбался через силу и, только уткнувшись взглядом в тарелку, позволял себе на секунду расслабиться.

Его мама и мать Учана болтали без умолку, изредка обращаясь к нему, а он легонько кивал в ответ, натягивая на лицо улыбку.

Раньше он бы, наверное, расстроился, что Учан не пришёл, и то и дело проверял бы телефон. Теперь в этом не было нужды.

Ебон чувствовал облегчение от того, что тот сегодня не сидит с ним за одним столом. Но в то же время... Ощущал и какую-то грусть.

Чон Учан всегда был решительным. Если отношения портились, он не старался их исправить, даже если партнёр унижался и просил. Раньше Ебону это казалось проявлением силы воли и зрелости. Теперь, оказавшись по ту сторону баррикад, он чувствовал только горечь.

«Всё равно это как-то обидно».

Даже если бывшие любовники не могут быть друзьями, неужели обязательно вести себя так грубо? Ведь целых пять лет, до того, как начать встречаться, они с Учаном были почти братьями. С другой стороны, он понимал: расставшись, вы становитесь друг другу чужими, и странно было бы надеяться на тёплую дружбу. От этого понимания становилось ещё паршивее.

Тем не менее, раньше Ебон считал, что если они и расстанутся, то расстанутся по-хорошему.

Глупая мысль. Возможно ли вообще расстаться «по-хорошему»? По крайней мере, если бы он тогда не поцеловал Учана, тот бы его не ударил. В конце концов, виноват во всём был он один.

«Да, снова я всё испортил».

Кусок в горло не лез. Ебон отложил палочки и сделал глоток воды.

Отношения с Учаном оборвались, но они всё равно были связаны тысячами нитей. Оглядываясь назад, он злился на себя за то, что вообще его полюбил. Однако, даже если бы Ебон сумел вернуться назад, во времена старшей школы, он всё равно бы влюбился в Учана снова.

Потому что тогда Чон Учан был для него единственным спасением.

— Кстати, дьякона Пака в последнее время не видно в церкви. И на звонки он не отвечает. У него что-то случилось? — поинтересовалась мама Ебона.

Мать Учана слегка нахмурилась и опустила глаза. Хотя они находились в отдельном зале, она всё равно огляделась по сторонам, словно готовясь выдать страшную тайну. Ебон сделал вид, что не слушает, но сам наострил уши.

— У них там такое творится... Ты же знаешь, что у него есть сын, в старшей школе учится?

— Да, Квон Сон, кажется? Я его пару раз видела...

— Да, он самый. Такой спокойный с виду, но недавно его поймали за просмотром гей-порно.

— Что?! — воскликнула мама Ебона в полный голос, но тут же спохватилась и виновато притихла.

— Сначала говорил, что включил случайно, но когда на него надавили, признался, что ему нравятся мальчики. Теперь его таскают по психиатрам.

— ...О господи, кошмар-то какой.

Повисла тишина, прерываемая лишь вздохами. Никто никого не ругал и не осуждал, но Ебон всем нутром чувствовал то отвращение, что пряталось за этим молчанием.

Испугавшись, что сейчас они поинтересуются его мнением, Ебон принялся пережёвывать рис, но тревога только усиливалась, к горлу подкатывала тошнота.

К счастью, их разговор переключился на другую тему.

Ебон молился, чтобы эта пытка поскорее закончилась, но вдруг...

— Кстати, Кан Ебон, а ты знал?

Мама Учана посмотрела прямо на него. Ебон, уставившись в тарелку с недоеденным рисом, постарался принять беззаботный вид.

— А?

Женщина с серьёзным видом подалась чуть вперёд. Они с Учаном действительно были очень похожи.

Мать Ебона, сидевшая рядом, заинтересованно склонилась следом за ней.

— Учан, этот сумасшедший ребёнок, без моего ведома...

Дверь резко распахнулась, не дав ей закончить. Все присутствующие удивлённо уставились на вошедшего, а Ебон замер, не в силах пошевелиться.

— Здравствуйте. Давно не виделись, Кан Ебон.

Чон Учан игриво подмигнул ему, словно никакого расставания не было.

При виде этого лица Ебона захлестнуло острое желание выбежать вон, но тело будто приросло к стулу.

— Так ты же говорил, что не придёшь! Что у тебя нет времени!

— Неожиданно освободился. Давно мы так не собирались, вот и решил заглянуть. Не хотелось бы пропустить такую встречу.

С ироничной улыбкой Чон Учан уселся рядом со своей матерью, прямо напротив Ебона.

Ебону показалось, что под ногами у него разверзлась бездна, которая стремительно вытягивала его силы. Он мог только молча смотреть на Учана, а тот смотрел на него в ответ с тем же нежным, как и прежде, выражением лица.

— Если собирался прийти, надо было предупредить, мы бы и на тебя заказали.

— Всё в порядке, не стоит. Я забежал на минуту, просто всех повидать. Как у тебя дела, мам?

— У меня-то всё хорошо, а вот тебя я давно не видела. Наверное, пропадаешь на работе?

— Да, ближайшие года два, видимо, буду пахать без продыху.

Учан легко и непринуждённо влился в беседу, только Ебон чувствовал себя чужим на этом празднике жизни. Он смотрел на Учана, как замороженный.

«Зачем он пришёл? У него была какая-то причина?»

Не ради ужина же он сюда заявился. Если бы он хотел помириться, то связался бы с Ебоном напрямую. Оставалось только одно.

Но зачем было приходиться на семейную встречу?

По телу Ебона прошёл неприятный озноб, и он плотнее сжал губы.

Кажется, что Учан чувствовал в нём угрозу.

Вскоре его мать заметила, что с Ебоном творится что-то неладное, и обеспокоенно коснулась тёплой ладонью его колена.

— Сынок? Ты в порядке?

Не в силах поднять голову и посмотреть ей в глаза, Ебон пробормотал:

— Мне надо выйти.

Она не расслышала, переспросила, но Ебон уже выскользнул из-за стола и вышел за дверь.

— Заболел, что ли? Ты присматривай за ним.

— Да нет, он только что хорошо себя чувствовал. Я о нём очень забочусь, он ведь всё, что у меня есть.

— Кан Ебон у тебя слишком тихий, вечно всё в себе держит. Помнишь, как у него приступ аппендицита случился прямо на службе, а он молчал, пока совсем плохо не стало?

— ...Тут ты права.

Мать Ебона обеспокоенно поглядела на дверь, гадая, не прихватило ли у сына живот, но тут поднялся Учан.

— Я схожу, посмотрю.

— Ох, спасибо тебе большое. Я очень ценю твою заботу.

С мягкой улыбкой и лёгким поклоном Учан вышел, но стоило двери закрыться за ним, как выражение его лица ожесточилось. Вытащив телефон из кармана, он набрал номер Ебона.

Гудки шли один за другим, и с каждой секундой Учан мрачнел всё сильнее. Когда его терпение было уже на исходе, на звонок ответили. В трубке вместо голоса послышался шум проезжающих машин.

— Ты где?

— ...В переулке рядом с рестораном.

Учан отключился, не проронив ни слова.

Выйдя из здания, он нырнул в узкий проулок. Там, опустив голову и пиная мелкие камушки под ногами, стоял Ебон.

— Кан Ебон.

Голос Учана был холоден: тот ласковый тон, которым он говорил с ним пару минут назад в ресторане, безвозвратно исчез.

Переводчик и редактор: Green_Apelsin

<http://bllate.org/book/14733/1618858>